

УДК 81'271

ЭКСПЛИКАЦИЯ ЗВУКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА РУССКИХ В ПОЛИЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ¹

Мария Геннадьевна Вершинина

ассистент кафедры общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. ver.m.g@yandex.ru

Представленная статья посвящена выявлению особенностей экспликации звуковой картины мира русских в полиязычной среде. Анализу подвергаются звукоподражательные единицы, зафиксированные в речи русских, проживающих на территории бывшего Коми-Пермяцкого округа. Тесное взаимодействие двух народов и языков оказывает влияние на оноματοпоэтическую систему русской диалектной речи и звуковую картину мира. Характер заимствований и особенности функционирования ономатопов (с одной стороны, в речи русских встречаются многочисленные коми-пермяцкие заимствования, с другой – некоторые ономатопы функционируют в обоих языках одновременно) обусловлены универсальностью звукоподражательной системы, которая основывается, в свою очередь, на наличие звуковой доминанты. Универсальный характер звукоподражательной системы находит отражение и в модели звуковой картины мира, в центре которой находится человек, а на периферии – все остальные звуковые среды (звучания растений, неживой природы, технические, сигнальные, музыкальные звуки).

Ключевые слова: звуковая картина мира; фоносфера; звукоподражание; ономатопоэзия; полиязычная среда.

Пермский край относится к числу полиязычных регионов. На территории края проживают представители нескольких десятков национальностей, самые многочисленные из которых русские, татары, коми-пермяки, башкиры, удмурты, чуваша и др. В данной статье рассматривается русская диалектная речь жителей территории, на которой русскоязычное население непосредственно взаимодействует с коми-пермяками. «С одной стороны, речь, функционирующая в иноязычной среде, более устойчиво сохраняет некоторые архаические лексические, фонетические морфологические и синтаксические особенности, утрачивающиеся в говорах «континентальных». С другой, островные говоры в силу многообразия культурно-хозяйственных связей между соседними народами оказываются способны постепенно вбирать многие черты языка-соседа» [СРГКПО 2006: 21].

Предлагаемое исследование посвящено выявлению особенностей экспликации звуковой диалектной картины мира русских, проживающих на полиязычной территории. Анализу подвергаются ономатопы, функционирующие в речи русских, проживающих на территории бывшего Коми-Пермяцкого округа. Ономатопы были ото-

браны из словаря русских говоров Коми-Пермяцкого округа [СРГКПО²], а также собраны автором в этнолингвистических экспедициях (всего 216 единиц).

Наряду с термином «звуковая картина мира» [Стефановская 2009: 117–121] мы используем термин «фоносфера», которые соотносимы, но не тождественны друг другу. Под «фоносферой» мы понимаем звуковое окружение человека, «...некий звуковой континуум, репрезентированный как на материально-пространственном, так и абстрактном уровнях, заполненный разнотипными биологическими (часто неосознаваемые человеком), техническими и культурно-семиотическими (осознаваемые человеком) звуковыми системами» [Шляхова 2005: 346]. Значимые для человека звучания фоносферы составляют звуковую картину мира, которая, будучи эксплицирована в языке, становится частью языковой картины мира. Анализ звукоподражательных единиц, составляющих базовый уровень звукоизобразительной системы языка, позволяет выявить наиболее значимые для человека сферы звучания реального мира. В том, какие именно звуки окружающего мира слышит человек, ре-

лизуется специфика менталитета той или иной языковой общности [Шляхова 2011; 2012а, б].

Автором статьи анализируются лексические единицы, содержащие сему 'звук' и имеющие оноματοпоэтическое происхождение. Они образуют семантические поля в соответствии с источниками происхождения имитируемого звука: биофоносфера (звуки естественного происхождения), социофоносфера (звуки искусственного происхождения) и антропофоносфера (звуки, производимые человеком).

К семантическому полю «антропофоносфера» относится 55,1% всех исследуемых единиц. Биофоносфера включает в себя поля «натурфоносфера» (5,1%), «фитофоносфера» (1,2%) и «зоофоносфера» (25,9%); социофоносфера – поля «технофоносфера» (4,3%), «сигналофоносфера» (5,1%), «музыкафоносфера» (0,5%) и поле «мифофоносфера» (2,8%), которое составляют единицы, фиксирующие нарушение связи между звуком и его источником, – такие звучания осмысляются диалектоносителем как проявления потустороннего мира. Таким образом, количественный анализ оноματοпов показывает, что наибольшее внимание диалектоносители уделяют звукам, производимым человеком. А наименее освоенные сферы звучания – фитофоносфера и музыкафоносфера.

Несмотря на то что растительный мир занимает важное место в картине мира носителей традиционной культуры [Вендина 1998: 223], звучания грибов и растений – периферийное семантическое поле в модели фоносферы, что естественно, так как звук не является их существенным признаком. В редких случаях встречаются номинации оноματοпоэтического происхождения: *скрипун, скрипунтрава* (*Скрипуны у нас не берут, это белый груздь, они как скрипят*) (222). Скрип в данном случае является важным свойством и мотивирующим признаком номинаций.

Малая разработанность поля «музыкафоносфера» (*Колька мало на гитаре бряньгат, а на гармошке уж никто не умеет* (55)) объясняется тем, что в русской культуре в целом и в традиции русских, проживающих в Пермском крае, в частности более распространены вокальные музыкальные жанры (единиц, характеризующих пение, отмечено больше). «Вокальные жанры музыкального фольклора у славян играют главенствующую роль», «инструментальная музыка по сравнению с вокальной занимает более скромное место в народной музыкальной культуре» [Пашина 2004: 322].

Особое семантическое поле «мифофоносфера» включает в себя единицы, фиксирующие звучания, которые не соотносятся с источником

звука. Естественная связь звука с источником – важный элемент семиотизации фоносферы, в случае нарушения данной связи (отсутствие источника, противоречие источника звука представлению о нем, неестественное время и место появления звука) звучанию приписывается магическое или мифическое происхождение или значение: *Одно время птицы или летяги, или как, на весь лес хохочут: Ооо-хо-хо! На весь лес!* (КА) Данный звук воспринимается как неестественный и, соответственно, опасный: *И вот мне кажется так, что все деревья до земли гнутся. И кто-то, короче говоря, ухает. Уууух! Господи спаси и сохрани! И кажется мне, что все деревья вот валяются. Вот знаете, когда дерево упадет... Уух! И вот это продолжалось до четырех часов утра. И потом всё, вот этот гул, он уходил куда-то всё на север. Утром смотрю – все деревья стоят* (КА). Такое звучание либо квалифицируется как предвещающее опасность (*Стали землю кидать на гроб, в могиле бень – забенькало, это не к добру* (47–48), либо приписывается некоему мифическому существу: чертям, домовому, лешему и пр. (*Раз все двери открыли – циркотня-циркотня, и убежали все, никого нету. Вот это шишаки [черти] и были* (256). Так, в традиционном сознании четко зафиксировано представление о связи звука с источником и характере данной связи.

«Натурфоносфера» включает в себя субполя «звуки метеорологических явлений» и «звуки стихий». Субполе «звуки стихий» включает оноματοпы, имитирующие звуковые особенности стихий, среди них единица *прозвизд* (звукоподр. *gvizd-: zvizd- [Фасмер I: 87]) как звуковое действие наиболее динамичной стихии – огня (*Лучина-то у нас домашна с прозвиздом горит*) (203). Метеорологические явления нередко сопровождают отчетливый звук (*Гыжнуло только, и нету дожджа-то; Такой ураган, только трескоток идёт!*) (241). Единица *гыжнуть* имеет коми-пермяцкое происхождение (*гыж-гыж* – подражание звукам, сопровождающим царапание [КПРС: 111]).

В данном поле преобладают единицы, обозначающие звуки грозы, что объясняется акустическими свойствами (повышенная громкость) звука-источника – грома: *горгать* (78), *вѣргать* (60), *чургать* (262) (*Дождни, дожджик, как следует, чо так вѣргашь; В Ильинску пятницу всё большинство гремело, чургало*). Единицу *горгать* можно объяснить как русским, так и коми-пермяцким происхождением. М. Фасмер приводит звукоподражательный глагол *горготать* в значении «громко смеяться, гоготать, ржать» [Фасмер I: 439], а в коми-пермяцком языке

функционирует *гор* – звук, звучание [КПРС: 101]. И в том и в другом случае реализуется семантика звучания. Подобная ситуация наблюдается и в отношении ономатопа *торгать* (ср.: *торкать* – праслав. *tǫrk-, *stǫrk-, по-видимому, звукоподр. [Фасмер IV: 83] и к.-п. *торгыны* – тараторить, *торгыны-визывтны* – течь с шумом [КПРС: 478]).

Говорить определенно о русском или коми-пермяцком происхождении данных ономатопов затруднительно. Однако нередко они функционируют в обоих языках, что может указывать на универсальность звукоподражательности в целом. Подобное соотношение звуковых значений единиц, функционирующих в диалектной речи и русских, и коми-пермяков, прослеживается и в других семантических полях.

В некоторых случаях этимологическое значение ономатопа по имеющимся источникам установить непросто, однако в коми-пермяцком языке функционирует подобное образование: *тургать* (ср. к.-п. *тургыны* – говорить полусшёпотом [там же: 494]), поэтому можно предположить коми-пермяцкое заимствование.

Анализ звукового состава ономатопов, имитирующих звук грома, позволяет выделить регулярно повторяющийся элемент (звукоизобразительную доминанту) – вибрант и звонкий взрывной, которые являются основным средством имитации раскатов грома (*бургать* (55), *вёргать* (60), *горгать* (78), *торгать* (239), *тургать* (242), *чургать*). Именно звукоизобразительная доминанта, по всей видимости, обеспечивает универсальность звукоподражательной лексики.

В количественном отношении с натурфоносферой (5,1%) соотносятся сигналфоносфера (5,1%) и технофоносфера (4,3%) (социофоносфера).

Звукоподражания, которые характеризуют звук-сигнал, относятся к семантическому полю «сигналофоносфера» (*Машина стиппкала, мя давай отворачивать с дороги*) (183).

Звуки-сигналы в народной культуре используются часто. Например, различаются пастушьи сигналы, адресованные животным и выступающие в качестве средства коммуникации с ними (*Барабан повешашь и тутто барабанишиша. Коровы барабан учуют, токо «му-му»; Писк на рябчика сам сделаешь из пера*) (46). Номинация *писк* употребляется в значении «свисток, манок на птицу» (в основе лежит, вероятно, звукоподр. *pī- [Фасмер III: 271], ср. к.-п. *пики-вики* – подражание писку, повизгиванию, пиликанию). Звуки-сигналы нередко имеют функцию предупреждения: *Если пожар, дак об рельсу тиньгают* (237) (ср. к.-п. *тиньгыны* – звенеть, зазвенеть, брентать, тренькать [КПРС: 474]).

Значимость звуков-сигналов для диалектоносителя подтверждается наличием в языке номинаций различных сигнальных приспособлений и устройств: *стукалка* (232), *колоколо*, *колоколко* (124) (по происхождению звукоподр., с удвоением корня *kol-kol- [Черных 1999: 413]), *колкочи* (123), *треньгунчик* (240) (*тренькать* – брентать, тихо наигрывать, болтать, звукоподр. [Фасмер IV: 98]; ср. к.-п. *тринь-бринь*, *трингём* – звон, звяканье, брентанье, треньканье, *трингётчыны* – прерывисто звенеть [КПРС: 490]), *прозвончик* (203) (*В ночью время стукалки носили по деревне. Возле каждого дома стукнешь, вроде, спите спокойно. Это от пожаров да от чудиков; Так-ту с треньгунчиками ездили, маленькой такой колокольчик*).

Поле «технофоносфера» включает ономатопы, имитирующие звуки артефактов: простых рукотворных предметов: *таргать* (КА³), *торгать* (239), *торкать* (230), *хрпать* (255), *хряпать* (КА), *чакать* (257) (*Бросила зеркало-то, испугалася, оно только сторкало; Тесины забрякали, зачакали*) и сложных устройств (*Выключи радио, а то одни брюньги*) (54)). В силу того что предметы преимущественно статичны, звук им приписывается нечасто. Предметы обычно звучат под воздействием внешней силы, чаще всего человека, однако такие звуки относятся к антропофоносфере, так как проявляются вследствие действия, совершаемого человеком. Ономатопы, которые передают звуки, издаваемые рукотворными предметами, обычно имитируют разного рода удары: *хрон* (*хрпать* – сильно стучать, *хрон* – межд., передающее стук, звукоподр. [Фасмер IV: 278]), *хряп* (*хряпать* – бить, ломать, *хряп!* – межд., передающее ломание, удар; вероятно, звукоподр. [там же: 281]), *торг* (ср. с *торкать* – толкать, колотить, *торк* – толчок, стук, *поторок* – удар [там же: 83]; к.-п. *торгыны* – тараторить [КПРС: 478]), *тарг* (ср. к.-п. *таргыны* – кудахтать, трещать, говорить без умолку [там же: 471]), *чак* (ср. к.-п. *чак керны* – цокать языком, стучать зубами; *чак лыйны* – выстрелить; *чак снимайтны* – щёлкнуть фотоаппаратом [там же: 525]). Фиксируется также существенный звуковой признак предмета (*Пасли пастуки барабаном. Дощечка такая, чтобы головная была, потом палочки такие тут повешат*) (76). Ср. к.-п. *гиль-голь*, *гиля-голя* – бряк, звяк [там же: 98], *голь-бряк* – подражание сильному стуку, грохоту [там же: 101], *гольган* – погремушка [там же: 101].

Наиболее значимая, внешняя по отношению к человеку сфера звучания – зоофоносфера: голосовые и неголосовые звуки, издаваемые животными, птицами и насекомыми. Звучания насеко-

мых распознаются реже, чем звуки животных и птиц: *По лесу ходили, бзыки не закусили?* (КА) (*бзык* – слепень; звукоподр. [Фасмер I: 164]).

Среди звукоподражаний, имитирующих голоса обитателей леса, преобладают ономотопы голосов птиц (*Птички в лесу гивиргают* (74)). Единица *гивиргать* указывает на восприятие голосов лесных птиц в качестве целостного и мелодичного звучания. В то же время распознаются стрекот сороки: *чик-чик* (КА) (*чикать* – бить; по видимому, звукоподр. праслав. *čik-, *čьk- [Фасмер IV: 361]; ср. к.-п. *чикотны* – трещать (о дровах), бить [КПРС: 536]), карканье вороны: *выргать* (72) (ср. к.-п. *выргыны* – бормотать невразумительно [там же: 93]), голос кукушки: *коковать* (123) (*кокот* – петух; звукоподр. название [Фасмер II: 283]; ср. к.-п. *коковны* – клевать; долбить [КПРС: 173]) или *туткать* (242) (ср. к.-п. *туткыны* – бормотать, бурчать [там же: 496]), тетерева – *тюргать* (243) (ср. к.-п. *тюргыны* – свистеть, стрекотать [там же: 503]). В каждом отдельном случае наблюдается стремление передать характерный звук той или иной птицы (*Вороны выргают, дождь будет; Палёвки налетели, тюргают*).

Кроме голосов птиц, имитируется также звук, который сопровождает действие животного или птицы (*Глухарь пырк – полетел, я стрелил, да поздно* (206); *Лось <...> может хрястнуть сразу насмерть* (255)). *Пырк* в к.-п. значит «выпорхнуть» [там же: 391], а М. Фасмер приводит междометие *пыр, пырь!* в значений «бац» и звукоподр. *пырхать* – фыркать [Фасмер III: 420]. *Хрястнуть* – первонач. *xřęst-. Здесь предполагают звукоподр. [Фасмер IV: 281].

Наиболее развита система звуков, производимых домашними птицами и животными, о чем свидетельствует наличие первичных звукоподражаний и номинаций, мотивированных звучанием.

Что касается звуков домашних птиц, воспроизводятся традиционно звуки, издаваемые курицами: *кокать* (122), *локтать* (140), *тип* (КА), *пилька* (КА) (*Цыплёнок всё зерно скокал; Типов много было, дак которые умерли; Они маленькие, пильки-то, по двору бегают*). Номинация *тип* встречается в к.-п. языке в том же значении «цыплёнок, птенец» [КПРС: 474] (*типнуть* – легонько ударить; схватить; укусить, ущипнуть; вероятно, звукоподр. [Фасмер IV: 60]; ср. также подзывное *тип-типушки*). Глагол *локтать* восходит, по видимому, к говорению [там же II: 514], а *кокать* воспроизводит, с одной стороны, звук удара клюва курицы (*кокать* – бить, *кокатся* – бить яйцо о яйцо [там же: 281]), с другой – характерный голос курицы (звукоподр. *ко-ко*).

Среди звуков домашних животных встречаются имитации голоса собак (*Я услышал, собаки нюзгают* (164), кошек: *каньгать* (116), *мявгать* (153), овец (*Овцы-то баргают, есть видно хотят* (46), свиней: *рэхать* (251), *рюхать* (214), *фыкать* (*Иная свинья бережная, придет, фыкат, а поросята разбегаются, а иная не срэхат и задавит* (251), лошадей: *ивгать* (110), коров: *мууо-буууо* (КА). В каждом отдельном случае наблюдается стремление воспроизвести голос конкретного животного: *каньгать* (ср. к.-п. *каньгыны* – хныкать, канючить, ныть, *кань* – кошка, кошачий [КПРС: 164]), *рэхать* (*рюхать* – реветь, хрюкать [Фасмер II: 534], *рэх* – хрюканье, храп; звукоподражательное; ср. к.-п. *рюк-рюк* – хрюхрю [КПРС: 414], *рэхсём* – хрюканье [там же: 405]), *ивгать* (к.-п. *ивзыны* – ржать (о лошади) [там же: 152], ср. *и-го-го*).

Звуки действий домашних животных в основном соотносятся со звуками, производимыми живыми существами в целом, в том числе человеком. Часто это удары (*кырскать* (134), *будышкать* (56), *бутышкать* (56), *пичнуть* (185) или артикуляторные звучания (*Корова в конюшне ест, кырскат*), однако отмечаются также специфичные звуки действий конкретных животных (*Кони цокотят, у их подковы* (256)). Данные ономотопы также встречаются в коми-пермяцком языке. Так, ономотоп *пичнуть* имеет схожие образования в коми-пермяцком языке (ср. *пичик* – щелчок, подзатыльник; *пичикасьны* – играть в щелчки, давать подзатыльники [там же: 545]).

Особое внимание стоит уделить подзывным и отгонным словам. Характер происхождения данных единиц позволяет говорить об их звукоподражательной природе [Шляхова 2012б: 114–120].

В данной модели фоносферы подзывные и отгонные слова занимают промежуточный характер между зоофоносферой, антропофоносферой и сигналфоносферой, так как, с одной стороны, частично имитируют голоса или действия животных, с другой – используются человеком в целях коммуникации с животными и наделяются тем самым сигнальной функцией.

Звукоподражательная природа подзывных слов очевидна в случае обращения к домашней птице: *тип-типушки, тину-типу* (237), *куть-куть* (КА), *котю-котю* (КА) (ср. к.-п. *кот-кот-кот* – ко-ко-ко [КПРС: 188]), *тиги-тиги, тига-тига* (*Куть-куть, иди сюда, рыжая. Ко мне, ребята, детки, идите ко мне; Курицу надо звать куть-куть, гусей тиги-тиги, а козу юлю-юлю*). Подзывные слова для животных, употребляемые русскими, нередко соотносятся с подзываниями в коми-пермяцком языке или восходят к коми-

пермяцким названиям животных: подзывное слово для свиней *дзюд-дзюд* (87) восходит к к.-п. *дзуту-дзуту* [там же: 123]; для овец *баля* (45), *баль* – к к.-п. *баля* – овца [там же: 25] (*Баль-баль-баль, бали-бали, идите сюда*), для коз – *мась, маси* (КА) (*Мась-мась-мась, зову козочек*) – в к.-п. *масы-масы* [там же: 244] (М. Фасмер сравнивает его с удм. *mes* «ягненок» и коми *mež* «овца» [Фасмер III: 579]).

Подзывные слова для коровы встречаются нечасто (*Корову зову – пте-пте-пте, бежи сюда, Малюта* (205)). Чаще к корове обращаются по имени (*Да как зовем? Юли-юли говорю, они и бегут, телята-то. Ну, большие-то, конечно, по имени: Маня, Таня*). Возможно, в данном случае находит отражение особое традиционное уважительное отношение человека к корове.

Семантическое поле «антропофоносфера» включает в себя такие поля, как «голосовые звуки» и «неголосовые звуки» (звуки, издаваемые человеком вследствие совершаемого действия (звуки действий)), и звуки тела).

Среди звуков действий различаются удары по предмету *бенгать* (47), *бобать* (50), *речгать* (210) (ср. к.-п. *резгыны* – наотмашь ударить [КПРС: 402]), *чакаться* (257), *чубачить* (261), *чикать* (260) (*Вот целой день бенгат. Где дверь подправить, где че подколотить; В подвал полезли, все речгали там, все переломали*), по живому существу *баздахнуть* (45) (ср. к.-п. *базнитны* – ударить [КПРС: 24]), *бучкать* (56) (ср. к.-п. *бучкыны* – хлестануть, сильно ударить [там же: 46]), *жогнуть* (97) (ср. к.-п. *жогыны* – избивать [там же: 142]), *здануть* (107) (ср. *бузда-нуть* – ударить с силой [Фасмер I: 232]), *кокнуть* (123), *кокишить*, *колотнуть* (124), *кочкать* (129), *кычкать* (134), *лупастить* (141), *маздахнуть* (144), *паздёрнуть* (176), *тоньгать* (238) (ср. к.-п. *тонгыны* – бить, звенеть [КПРС: 477]), *чирснуть* (260) (ср. к.-п. *чирсны* – обмолачивать, дробить, толочь [там же: 538]), *швахать* (160) (ср. к.-п. *швангыны* – стукнуть, ударить, шлёпнуть; *шват* – подражание стуку [там же: 555]; *шваткыны* – стукнуть [там же: 556]), *чакнуть* (*Их надо самих бучкать, милиционеров-то, они, кто попадёт, дак готовы убить; Кто хварат, того хлебной лопатой по заду нашивахают, чтоб не болел большие; Натоньгал соседа, а тот партейный, дак два года дали*).

Характер ономастов удара позволяет говорить о том, что звукоизобразительной доминантой выступает взрывной согласный (*бенгать* (47), *бобать* (50), *чубачить* (261), *баздахнуть* (45), *бучкать* (56), *жогнуть* (97), *здануть* (107), *маздахнуть* (144), *паздёрнуть* (176), *кокнуть* (123), *кочкать* (129), *кычкать* (134), *тоньгать* (238).

Помимо ударов различаются звуки трения (*Мало рашкат старый, ноги вот худо подымают* (210), скрипа *ергать* (94), *иргать* (114), *каж-гать* (115), *скыркать* (222) (*Не иргай дверьми, закрой; Мальчишки-то опять скыркать начали*). Ср. к.-п. *рашкыны* – ходить, еле волоча ноги [КПРС: 401], *кажгаты* – к.-п. *каж* – подражание хрусту; *кажгыны* – хрустеть, грызть, есть с хрустом [там же: 162].

К звукам тела отнесены ономасты, имитирующие звучания различных частей человеческого тела и внутренних органов: стук сердца *бут-бут* (56) (к.-п. *бут* – хлоп [там же: 47]), шум в голове *бунчать* (55), урчание в животе *гургать* (81) (к.-п. *гур-гур* – подражание урчанию, тарактению, гудению [там же: 110]), скрип зубов *гыр-скать* (81) (к.-п. *гырс-гырс* – подражание скребущему звуку; *гырскыны* – грызть, разгрызть [там же: 113]), звук испражнения *чискать* (260) (*Брюхо от голода гургат; Не бегай на улицу, чискай давай в ведро, стужа*).

Наиболее развитой является система голосовых звуков: звуки говорения, пения и рефлексивные звуки. Поле «говорение» подразделяется на несколько субполей.

Говорение как таковое: *вохлить* (68), *колоко-лить* (124) (*Хорошая-то какая, весь концерт с нами вохлила; Маленько как вдам, вот и колоко-лю с ней!*).

Артикуляторные и акустические особенности говорения: неразборчивое, невнятное говорение: *бобкать*, *бобгать* (50) (к.-п. *бобгыны* – бормотать [там же: 34]), *боргать* (52) (к.-п. *боргыны* – бубнить, повторять [там же: 37]), *буркать* (55), *буторить* (56), *быргать* (57) (к.-п. *быр-быр* – подражание невнятному бормотанию [там же: 50]), *гындосить* (81) (возм., от *гундосить*, ср. также к.-п. *гыны* – болтать, молоть чушь [там же: 112]), *иргать* (114), *лячкать* (144) (*лячкать* – жевать, болтать, пустословить; вероятно, звуко-подр. [Фасмер II: 554]; ср. также к.-п. *лячкыны* – ударить (ладонью) по голому месту [там же: 240]), *мургать* (152) (к.-п. – *мургыны* – мурлыкать, тихо петь [там же: 258]), *туросить* (242) (ср. к.-п. *туру-туру* – тары-бары [там же: 495]); нарушения в артикуляции (*Кто заёкивается, слова есть, можно вылечить* (100)): *заёкиваться* (100), *сюськать* (235) (*сюсюка* – тот, кто пришептывает [Фасмер III: 823]); интонационные и акустические особенности: *боньгать* – говорить возмущаясь (51) (к.-п. *боньгыны* – ворчать [КПРС: 37]), *нюзгать* (164) (*Не нюзгай, надоело слушать*); скорость и продолжительность говорения: *трынгать* (241) (*трынгать* – дергать, ономастопозитическое [Фасмер V: 112]), *чемить*

(258), *джиргать* (87) (*Чемит и чемит, надоело уж, как точит*).

Говорение, сопровождаемое рефлексорными звуками: смехом: *быргать* (57), *згальничать* (107), *подфукивать* (191) (*Невеста пол метет, над ней быргают, снова бросают деньгами*), плачем, стоном: *турасить* (242) (*Не турась, надоело, деньги нету на конфетки*).

Говорение в значении «сообщение информации». Пустословить: *клочить* (121), *лѣпать* (238), *лѣпкать* (238), *лявгать* (143) (к.-п. лѣв-ляв – гав-гав, лѣвгыны – лаять, браниться, кричать [КПРС: 238]), *лязгать* (143) (*Лязгают бабы, как не надоест*); передавать запретную информации: *телькнуть* (237) (*Я ему велю – ты только не телькни, ни-ни*); повторять: *натаривать* (159), *тороскать* (239) (*торить – наставлять, внушать* [Фасмер IV: 83]; ср. к.-п. торгыны – тараторить [там же: 478]).

Говорение как способ взаимодействия с адресатом и воздействия на него. Звать, привлекать внимание: *гаркать* (74) (*Я ее гаркаю, а она как не слышит, идёт и идёт*); взаимодействовать: *побаяться* (187) (*Когда язык прикусишь – побаяешься с кем-то или разругаешься*); интенсивно воздействовать: *аргаться* (44), *отчахать* (175), *дотунгать* (90) (*Отчахаю их хорошенько, а то всё бегают, Всё же-ки дотунгали мы начальство, денег стали больше платить*).

О повышенном внимании к данной сфере звучания свидетельствует также наличие номинаций человека, мотивированных особенностями речи человека (*Бургунья она у нас, всё не по ей, всё недовольна* (55)).

В поле «говорение» наиболее развиты группы, которые определяют говорение с точки зрения акустических или артикуляторных особенностей. Группы, в которых основной дифференциальной семой является «содержание», онома-топов отмечено значительно меньше.

К голосовым звукам также относятся «пение»: *выть* (72), *заухивать* (105), *мургать* (152), *каркать* (117) (*За столом посидят, наедятся, песен заухивашь, пляшешь; Я ведь только себе мургаю, так-ту не несельница*).

Наряду с голосовыми звуками, производимыми человеком, выделяются рефлексорные звуки. Наиболее развиты в данном субполе группы «дыхание» и «плач». Звук дыхания, несмотря на то что он является тихим, вполне ощутим и осознаваем человеком: *вдыхать* (59) (*Жарко беда, вдыхать нечем даже*), *ѣхать* (95), *обрѣхнуть* (166) (*Пока воду несла, обрѣхла*), *пропышкаться* (*Маленько пропышкаюсь, потом снова запою*), *пышкаться* (206). Звуковой состав единиц фонетически имитирует тяжелое дыхание человека (ср.

межд. *ох, пых*) (звукоизобразительная доминанта – глухой фрикативный). О значимости данной сферы свидетельствует наличие онома-топов *дых* (95), *сдых* (219) (*Посмотрели, а уеё уж сдыху нету, умерла*), *ухи-пыхи* (*Он вышел из бани, в предбаннике сидит – ухи-пыхи слышно* (КА)).

Единицы, характеризующих плач, всхлипы, имеют преимущественно звукоподражательное происхождение: *всклѣтывать* (69), *склѣтывать* (221) (*Больно было, но я только всклѣтывала, не редела, старалась терпеть*), *каньгать* (116) (см. подражание звукам кошки), *кавкать* (251) (*кавка – лягушка, звукоподр.* [Фасмер I: 153], ср. к.-п. *кав-кав* – гав-гав [КПРС: 161]), *керскасть* (*Че он и керскаст – видно, болит че-то*), *нявгать* (164) (ср. к.-п. *нявгыны* – нить, хныкать [там же: 283]), *хавкать* (251) (*хавкать – лаять, жадно есть, звукоподр.* [Фасмер IV: 215]).

Кроме того, отмечены онома-топы крика: *заягать* (106), *кречкать* (*Ребенок закречкает: «Ы-ы-ы», надо вставить, кормить* (130)), *ужгать* (*Детвора-то уж больно ужгати* (245)), *чивизга* (ср. к.-п. *чива-люва кывны* – визжать [КПРС: 537]); звук, сопровождающий поглощение пищи и воды: *чамгать* (257), *чурснуть* (262) (к.-п. *чурскотны* – сосать чмокая, цедить [там же: 549]); кашель: *куликать* (132); смех: *гагара* (*Вот гагары-те – смеются над парнем* (74)).

Таким образом, можно говорить о том, что лучше всего человек слышит свой собственный голос, самого себя, затем – живых существ, которые его окружают. Остальные звуковые среды представляют меньший интерес, т. к. эксплицированы в языке меньшим количеством единиц (антропофоносфера – 55,1%, натурфоносфера – 5,1%, технофоносфера – 4,3%, музыкафоносфера – 0,5%). Модель звуковой картины мира, в центре которой находится человек, универсальна, так как исследования на материале русского литературного языка и других языков дают похожую картину [Мишанкина 2003: 10]. Различие заключается в особенностях экспликации фоно-сферы.

Эксплицированная в языке звуковая картина мира русских, проживающих на полиязычной территории, отражает процесс взаимодействия двух разных языков. С одной стороны, многие звукоподражательные единицы (*выргать, гыжнуть, гырскать, кажгать*) имеют коми-пермяцкое происхождение (в данной статье это единицы, для которых не было обнаружено аналогов в пермских говорах русских и этимологических словарях русского языка), с другой – некоторые онома-топы функционируют в обоих языках (*горгать, кавкать, ляккать*), так что достаточно сложно определить, кто и на каком этапе

заимствовал ту или иную единицу. Тем самым подтверждается тезис об универсальности ономастической системы (звукоподражательные единицы, даже если они заимствованы, воспринимаются как естественные, максимально приближенные к сфере окружающих человека звучаний), которая, в свою очередь, основывается на наличии звукоизобразительной доминанты – регулярно повторяющегося элемента, имитирующего значимый признак реального звука.

Примечания

¹ Исследование выполнено в рамках грантов РГНФ «Коммуникативные коды в коми-пермяцкой культуре (речь, фольклор, обрядность, символосфера)», проект №14-14-59005, ПСР-055П «Языковая коммуникация в условиях двуязычия».

² В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием страниц в круглых скобках.

³ КА – материал из картотеки автора.

Список литературы

Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индик, 1998. 240 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / Р. М. Баталова, А. С. Кривошёкова-Гантман. М.: Русский язык, 1985. 624 с.

Мишанкина Н. А. Метафорические модели звучания в русской языковой картине мира // Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты / З. И. Резанова, Н. А. Мишанкина, Д. А. Катунин; отв. ред. З. И. Резанова. Воронеж, 2003. Ч. 1. С. 76–145.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Н. Ю. Копытов, И. А. Подюков, А. В. Черных. Пермь: Изд-во ПОНИИЦА, 2006. 276 с.

Пашина О. А. Музыка народная // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 2004. С. 319–324.

Стефановская С. В. Звуковая картина мира // Вестник Иркутского гос. лингвистического университета. 2009. №4. С. 117–121.

Шляхова С. С. «Другой» язык: Опыт маргинальной лингвистики. Пермь: Перм. гос. политехн. ун-т, 2005. 350 с.

Шляхова С. С. Исследование звукоизобразительности в пермских языках: проблемы и перспективы. Статья первая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. №3. С. 7–16.

Шляхова С. С. Исследование звукоизобразительности в пермских языках: проблемы и пер-

спективы. Статья третья // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012а. №1. С. 9–16.

Шляхова С. С. Звукоизобразительность в коми-пермяцком языке / С. С. Шляхова, А. С. Лобанова; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2012б. 297 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев. М.: Прогресс, 1986–1987.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. язык, 1999. Т. 1. 624 с.

References

KPRS – Komi-permjacko-russkij slovar' [Komi-Perm-Russian dictionary]. R. M. Batalova, A. S. Krivoshhjokova-Gantman. Moscow: Russkij jazyk Publ., 1985. 624 p.

Vendina T. I. Russkaja jazykovaja kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovanija (makrokosm) [The Russian language picture of the world through the prism of word formation (the macrocosm)]. Moscow, Indrik Publ., 1998. 240 p.

Mishankina N. A. Metaforicheskie modeli zvuchanija v russkoj jazykovoj kartine mira [The metaphorical models of sound in the Russian language picture of the world]. Metaforicheskij fragment russkoj jazykovoj kartiny mira: kljuchevyje koncepty [The metaphorical piece of the Russian language picture of the world: the key concepts]. Z. I. Rezanova, N. A. Mishankina, D. A. Katunin. Ed. by Z. I. Rezanova. Voronezh, 2003. P. 1. P. 76–145.

SRGKPO – Slovar' russkikh govorov Komi-Permjackogo okruga [Dictionary of Russian dialects of the Permian Komi District]. N. Ju. Kopytov, I. A. Podjukov, A. V. Chernykh. Perm, PONIICA Publ., 2006.

Pashina O. A. Muzyka narodnaja [Folk music]. Slavjanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar': v 5 t. [Slavic Antiquities: ethno-linguistic dictionary: in 5 vol.]. Ed. by N. I. Tolstogo. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2004. P. 319–324.

Stefanovskaja S. V. Zvukovaja kartina mira [The sound picture of the world]. Vestnik irkutskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta [The Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University]. 2009. No 4. P. 117–121.

Shljahova S. S. «Drugoj» jazyk: Opyt marginal'noj lingvistiki [The “other” language: the experience of marginal linguistics]. Perm: Perm State Technical Univ. Publ., 2005. 350 p.

Shljahova S. S. Issledovanie zvukoizobrazitel'nosti v permskikh jazykakh: problemy i perspektivy. Statja pervaja [Research of sound iconicity in permic languages: problems and perspectives. Article one].

Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2011. Iss. 3. P. 7–16.

Shljahova S. S. Issledovanie zvukoizobrazitel'nosti v permskikh jazykakh: problemy i perspektivy. Statja tretja [Research of sound iconicity in permic languages: problems and perspectives. Article three]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2012a. Iss. 1. P. 9–16.

Shljahova S. S. Zvukoizobrazitel'nost' v komi-permjackom jazyke: monografija [Sound ikonizm in Permian Komi: Monograph]. S. S. Shljahova,

A. S. Lobanova; Perm State Humanitarian Pedagogical Univ. Perm, 2012b. 297 p.

Fasmer M. Ehtimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t. [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vol.] Trans. from German and add. by O. N. Trubachev. Moscow: Progress Publ., 1986–1987.

Chernyh P. Ja. Istoriko-ehimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka [Historical and etymological dictionary of modern Russian]. Moscow: Russkij jazyk Publ., 1999. Vol. 1. 624 p.

EXPLICATION OF THE SOUND PICTURE OF THE WORLD OF RUSSIAN PEOPLE IN MULTILINGUAL ENVIRONMENT

Mariya G. Vershinina

Assistant in the Department of General Linguistics
Perm State Humanitarian Pedagogical University

The present article is devoted to peculiarities of explication of the sound picture of the world of Russians in multilingual environment. The onomatopoeic units in speech of Russians living on the territory of former Komi-Permyak district are analysed. Close interaction of two peoples and languages has had an influence on the onomatopoeic system of Russian dialectal speech and the sound picture of the world. The nature of borrowings and the peculiarities of onomatops functioning (on the one hand, a great number of Komi-Permyak borrowings are found in speech of Russians, on the other hand, some onomatops function simultaneously in both languages) are conditioned by the onomatopoeic system universality, which is, in its turn, based on the existence of a sound dominant. The universal nature of the onomatopoeic system also finds its reflection in the model of the sound picture of the world with a man in the centre of it and all the rest sound environments (soundings of plants, of inanimate nature, technical, signal, musical sounds) – on the periphery.

Key words: sound picture of the world; phonosphere; onomatopoeia; multilingual environment.